

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Л. Модзалевский

Карл Шмидт — основатель
антропологической педагогики

5 - 16

КАРЛ ШМИДТ — ОСНОВАТЕЛЬ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ¹

Л.Н. МОДЗАЛЕВСКИЙ

Работы Карла Шмидта занимают достойное место в истории педагогики. Вероятно, это объясняется тем, что главная задача его работ — выяснение места и роли воспитания в контексте развития человечества, его цели и направленности. Для историко-педагогических исследований характерно вопрошание. Это вопросы о духовно-нравственном содержании истории, о человеческом и конкретно-историческом облике «вечных идеалов истины, добра и красоты», то есть о живой красоте, о самостоянии в добре, о воплощённой истине. Один из главных вопросов — вопрос о границах педагогической реальности: в каком пространстве должен существовать человек, какие практические задачи и предметы мысли не упускать из виду, чтобы достойно отвечать на основной вопрос педагогики — о месте человека в мире и цели воспитания. Работы К. Шмидта позволяют найти ответы на многие из заданных вопросов.

Неутомимый боец за свободу школы и самостоятельность учительского сословия, лучший сподвижник Дистервега, почтенный учёным и даровитый литератор, более всех своих современников потрудившийся на пользу педагогики как отдель-

¹ Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времён / Научная редакция, вступительная статья, предметный указатель. М.В. Захарченко. СПб.: Алетейя, 2000 г. 496 с. С. 250–263.

ной науки, основатель антропологическо-педагогической школы Карл Шмидт занял прочное место в истории немецкой педагогики. Он родился в одной ангальтской деревне — Остернимбург, в июле 1819 г. Родители его были бедные поселяне, и его отец, переживший своего знаменитого сына, скромно обрабатывал своё маленькое поле. Первое образование Карл Шмидт получил в местной деревенской школе, которую оставил, будучи уже 14 лет. Несмотря на свои богатые дарования, он приобрёл в этой школе самый скудный запас знаний; любимом книгой его была Библия, которую он часто перечитывал и по выходе из школы. Отец решил, что он должен сделаться крестьянином и взяться за плуг; но молодой человек не мог затушить в себе жажду знания и продолжал много читать. Осенью 1834 г. отец, наконец, откликнулся на его просьбы отпустить его учиться в Кётен, где он, имея уже 15 лет, и поступил в один из низших классов (Quinta) гимназии. Его маленькие товарищи смеялись над неуклюжестью и невежеством молодого крестьянина, который ещё не умел и читать по-латыни; но скоро он заставил себя уважать и товарищей, и учителей, заметивших его необыкновенные дарования, его силу характера и быстро возрастающие познания. Директор гимназии — Крамер из сострадания к его жалкому, почти голодному существованию взял его к себе на квартиру и внимательно следил за ходом его образования, так что Карл Шмидт и впоследствии всегда называл его своим «вторым отцом».

Окончив курс в Кётенской гимназии с отличным аттестатом, Шмидт переехал в 1841 г. в Галле и посвятил свои университетские занятия теологии и философии, остановившись преимущественно на Гегеле. Кроме того, он слушал философию религии, догматику, мораль у лучших профессоров. Во избежание вредной односторонности, столь свойственной многим специалистам, он посещал также лекции по естественным наукам, особенно интересовался медициной и чрезвычайно много читал. По мере занятий, весьма сложных уже в то время, возрастала в нём неутолимая жажда знания; ему хотелось самому доработаться до каждой истины, но только абсолютная истина могла удовлетворить его. Он изучал одну философскую систему за другой; «в искании истины, — рассказывал он впоследствии, — я не спал, мучился и плакал ночи напролет!». Так прошли годы его студенчества. Он блестящим образом сдал государственный экзамен, но на службу вступить не хотел и потому вернулся на родину. Однако живая, деятельная натура его не могла здесь успокоиться и увлекла его в Берлин, где он снова взялся за науку. Средства не позволили ему долго продержаться в Берлине и заставили его снова вернуться на родину, где он в 1846 г. решился принять место пасторского адъюнкта в одной ангальтской деревне Эддеритце. Здесь проповеди Шмидта имели огромный успех и, благодаря его блестящему ораторскому таланту, привлекали в церковь всё окружное население. Вскоре он учредил местную воскресную школу, читал общедоступные публичные лекции и продолжал свои кабинетные труды по теологии и философии. Аристотель из древних философов и Шлейермахер из новых сделались его любимцами: первый лёг в основание его антропологических воззрений, а второй — теологических, как он сам выражается об этом. В следующем году, в намерении перенести свою деятельность на университетскую кафедру, он получил в Галле диплом доктора философии и теологии; около того же времени явились в свет и его первые учёно-литературные труды: «Eine

Weltanschauung» («Мировоззрение»), «Wahrheiten und Irrthumer» («Истина и заблуждение»). Когда вскоре выступил в Кётене новый проповедник — Улих, основатель многих «свободных общин», совершенно отвергавших положительную религию, Карл Шмидт не сочувствовал успехам Улиха. «Мне казалось, — говорит он, — что это всеуничтожающее свободомыслие (Freigemeindelei) опасно для массы в той же степени, как и неподвижная, мертвая ортодоксия, так как оба эти направления ищут религии в голове, а не в сердце». С целью опровержения нового лжеучения, он издал полемическую брошюру «Uhlisch und die Kirche» («Улих и Церковь»), не боясь пересудов враждебной печати и неуклонно идя своим путём, на который указывали ему его свободные, независимые убеждения. Приверженцы «свободной общины» напали на него, как на закоснелого ортодокса, каким он никогда не был; приверженцы господствующей ортодоксальной церкви — как на опасного либерала. Но все эти недоразумения не уронили Карла Шмидта в общественном мнении, и в 1848–1849 гг. он был избран депутатом на Кётенский ландтаг, где он занял место на левой стороне, в рядах либеральной партии. Особенно деятельное участие принимал он в составлении нового школьного закона, который потом, во время реакции, был снова отменён правительством. Между тем он полюбил дочь одного советника Луизу Шеттлер и, в намерении жениться на ней, оставил мысль об университетской кафедре.

Сделавшись семьянином в 1850 г. и заняв место учителя в Кётенской гимназии, Карл Шмидт перешёл на педагогическое поприще. С этого времени антропология сделалась главным предметом его специальных занятий. Чтобы быть педагогом, он желал прежде всесторонне изучить человека; он основательно ознакомился со всеми существовавшими и существующими психологическими системами, занимался анатомией и физиологией; его коллекция черепов отличалась редкой полнотой и богатством экземпляров. С 1852 г. уже определённо обозначилось то направление, которое он решился провести в педагогической литературе, чтобы создать новую антропологическую педагогику и поставить её на высоту современной строгой науки. Действительно, в том же 1852 г. уже явились в свет его «Anthropologischen Briefe» («Антропологические заметки»), в 1853 г. — «Harmonie der Welten» («Гармония мира»), в 1854 г. — «Das Buch der Erziehung» («Книга воспитания»), в 1856 г. — «Briefe an eine Mutter» («Письма к матери»), в 1857 г. — «Gymnasial-Pädagogik» («Гимназическая педагогика»), в 1858–1861 гг. — «Geschichte der Pädagogik» («История педагогики») в четырёх томах; с 1861 по 1863 год Шмидт был занят редакцией газеты «Erziehung der Gegenwart» («Современное воспитание»). Высокое педагогическое и учёное знание этих трудов почти всеми было признано в Германии. Карл Шмидт стал во главе целой педагогической школы, приобрёл множество приверженцев, но также и противников. Служебная его деятельность в то же время также расширялась. В 1856 г. он был сделан главным учителем (Oberlehrer) Кётенской гимназии, в старших классах которой он с успехом преподавал религию; в 1860 г. получил от правительства почётную золотую медаль в воздаяние учёных заслуг, а в следующем году был удостоен звания профессора. Общую известность в соловии немецких учителей Шмидт приобрёл со времени XIII общеучительского съезда, который происходил в Кётене в 1861 г., и на котором он в первый раз выступил в роли оратора с превосходной речью на тему «Идеал немецкого

7
Концепции
и системы
[17 – 52]

учителя». С этих пор большинство принялось за изучение его сочинений, одно чтение которых требовало серьёзного умственного труда. Через год правительство желало соединить в лице Шмидта две важные должности — шульрата и директора учительской семинарии; однако он не сошёлся с требованиями правительства, и дело не состоялось, но только на время. Правительство признало справедливость требований его относительно возвышения учебного курса семинарии, и Шмидт отправился в звании её директора в Готу, где и начертал новый устав семинарии. «Здесь, — говаривал Шмидт, — я нашёл именно то, чего так давно и так пламенно желал; отсюда я уже не уйду: здесь я хочу и умереть!» Его желание исполнилось, но, к сожалению, слишком рано. Его от природы крепкое физическое здоровье не выдержало напряжённых педагогических и литературных трудов на пользу народной школы.

В Готе Карл Шмидт приготовил к изданию и издал краткое извлечение из своего обширного сочинения по истории педагогики, построенной им на новой идее — на идее освобождения человеческого духа посредством воспитания и обучения. Уже в 1863 г. вышли два новых его сочинения: «Reform der Lehrerseminare und der Volksschule» («Реформа учительских семинарий и народных школ»), в котором он требует более основательного образования для народных учителей и для всего народа, и подробное «Исследование по истории народной школы в герцогстве Гота» с превосходной статьёй «О преподавании религии народу на основании Священного Писания». За эту статью, которая была найдена чересчур либеральной, противники напали на её автора и даже доказывали, что он проводит противохристианские идеи. Но, в сущности он требовал лишь педагогического преподавания религии, свободного от мертвящей рутины и от крайнего догматизма, недоступного для детского понимания; религию он клал в основание всего нравственного воспитания и только желал, чтобы она действительно воспитывала, а не исключительно учила. Сверх того он энергически доказывал необходимость освободить народную школу от исключительного надзора духовенства и, естественно, возбудил против себя клерикальную партию. По его мнению, народная школа должна находиться в связи с церковью, а не под господством церкви. Как бы то ни было, эти недоразумения и эта борьба вредно отзывались на его здоровье. По просьбам издателей он снова начал перерабатывать и готовить к изданию свои «Антропологические письма», которым хотел придать совершенно новый вид. В это время он получил известие о смерти своей матери и на похоронах её, в холодную осень 1863 г., простудился и стал постоянно слабеть здоровьем, не бросая, однако, своих учёных занятий. Весной ему сделалось ещё хуже, и он выражал друзьям уверенность, что скоро должен умереть. Всегда бодрый, весёлый характер его сделался мрачным; но карлсбадские воды на время восстановили его. Вернувшись в Готу, он уже начал корректуру своего нового обширного труда о религии, в котором собраны были и другие его статьи под общим названием «Zur Erziehung und Religion» («О воспитании и религии»); но этой книге суждено было явиться в свет уже после его смерти. Он умер от нервной лихорадки, в ноябре 1864 г., имея всего 45 лет 0*1 году. Точно также после его смерти была издана в двух томах уже приготовленная им к печати «Die Anthropologic» (Dresden, 1865), которая должна была заменить ещё несовершенный труд его молодости — «Антропологические письма».

По теории Карла Шмидта, основывать всё воспитательно-учебное дело на одной психологии было бы такой же односторонностью, как и класть в основание всей педагогики одну философию или одну физиологию; поэтому он старался соединить и примирить все крайности, встречающиеся в предшествовавших системах, не обнимающих целиком всего человека. Сделать это было тем необходимее, что со времени Гербарта и Бенеке сама психология приняла направление, близкое по методу к естественным наукам. Но Карл Шмидт, как психолог, принадлежит к совершенно другой школе. «Антропологическая педагогика, — говорит он, — основывается на естественных науках, результаты которых она старается применить к воспитанию. Она обнимает человека как органическое единство материи и духа, как единственного представителя космоса, проходящего в своём развитии все степени животного мира, начиная от пресмыкающегося и восходя до самосознательного существа, которое находится в самых сложных и разнообразных отношениях, вращаясь сперва в семейной среде, на лоне матери, потом в среде своего народа и человечества, и, наконец, проникая мыслью даже за пределы всего видимого, в мир надзвёздный и в вечность. Сообразно с этим, антропологическая педагогика требует воспитания всего человека, как члена всего человечества с его высочайшими интересами; она признаёт своим главным принципом развитие в его индивидуальном, национальном и гуманитарном отношениях, и именно гармоническое развитие в применении ко всем способностям тела и духа, высшая цель которого состоит в истине, добре и красоте, одним словом — в богоподобии. Но как ни важно развитие тела, средоточие человеческой жизни есть дух, если дух остаётся неразвитым и недеятельным, то и самое тело принимает грубые формы, вся жизнь человека скудеет и тускнеет. Жизнь выражается в деятельности; где нет деятельности, там нет и жизни... Дух человека есть точно так же организм, как и тело, т. е. многообразие в единстве, в котором все члены служат одному целому. Для возбуждения и развития духовного организма точно так же нужно внешнее воздействие, качественно и количественно сообразное с его потребностями; это возбуждение есть только первоначальное условие, дух же сам по себе самодеятелен. Возбуждения от внешнего мира разнообразят дух, сообщают ему различные направления и оттенки; он же, со своей стороны, ассимилирует эти возбуждения или впечатления и превращает внешний мир во внутренний. Но тот же дух есть и сам себе предел. Развитие, составляющее задачу воспитания, возможно лишь тогда, когда возбуждение не превышает внутренней силы духа, с помощью которой он перерабатывает и усваивает воспринимаемые впечатления.

Духовный организм Карл Шмидт делит на систему мышления, основанную на стремлении духа принять в себя объекты внешнего мира; — систему желаний, стремящуюся изменить объективный мир сообразно своим собственным целям, и — систему чувствования, выражающую жизнь духа по отношению к самому себе и к Богу. Эти системы духа состоят из отдельных духовных органов. Так, мыслительная способность подразделяется: на способности пространства и времени (чувство формы, чувство величины, тяжести, места, цвета, числа, предмета, времени и факта); на таланты (а именно: талант творчества, порядка, тона, подражания, остроумия и речи) и, наконец, на собственно мыслительные способности сравнения и заключения. Чувства распределяются на чисто субъективные, как твёрдость и самочувствие, и на более объектив-

9
Концепции
и системы
[17 – 52]

ные, в зависимости от внешнего мира, как любовь к одобрению, предусмотрительность, доброжелательство, совесть, идеальность, доверчивость, надежда и религиозное чувство. В желательной способности можно различать следующие степени: а) побуждение к продолжению своего рода, разделяющееся на половое побуждение, любовь к детям и привязанность к родным; далее: б) побуждение к самосохранению, подразделяющееся на побуждения к жизни, к пище, к скрытости, нападению, разрушению и приобретению, и, наконец, с) побуждение к сосредоточенности, или концентрации. Все эти органы становятся жизненными и деятельными только при том условии, когда им предлагается сродная пища для ассимилирования: мыслительной способности — разные временные и пространственные предметы природы, а также известные представления и мысли; чувствительной способности — чувства и различные сцены из природы или общественной жизни, пробуждающие в человеке соответственные чувства; желательную способность также укрепляют примеры желания и стремления других людей. Специально возбуждаются способности посредством специальных целесообразных средств: твёрдость характера — посредством воздействия сильных характером людей и при помощи исторических примеров; чувство совести — посредством сцен и примеров правды или несправедливости; идеальное чувство — посредством божественных и людьми созданных прекрасных образов; чувство зависимости — посредством вероучения и нравоучения; понимание и уважение к факту — посредством наблюдения и изучения фактов из области природы или истории; чувство формы, величины, времени места — посредством геометрии, арифметики, географии, ботаники и т. д. Только при этом условии доставления соответственной пищи могут быть возбуждены и развиты духовные силы, проявляющиеся «духовных процессах мысли, чувства и воли. Первая, ещё слабая, степень духовной деятельности называется по отношению к мыслительной способности ощущением, по отношению к чувствительной — движением, по отношению к желательной — побуждением. Чем чаще и естественнее возбуждаются эти способности, тем глубже и сильнее становится их деятельность, тем лучше и самостоятельнее могут они воспроизводить эту деятельность без постороннего возбуждения. Ощущение становится представлением, движение — чувством, побуждение — стремлением. Область памяти и привычки имеет свой закон, по которому каждое упражнение облегчает достижение последующей высшей ступени; если же дух достигает высшей ступени своего развития, мышление превращается в творческое воображение, чувство — в энтузиазм, желание — в страсть. Но тут много значит самое направление, в котором привыкают действовать названные способности и которое может быть обращено или в хорошую, или в дурную сторону.

Таким образом, каждая способность души действует своеобразно и бывает чувствительна только к родственному, соответствующем ей возбуждению; каждый духовный орган говорит своим собственным языком и понимает лишь этот язык: так, совесть начинает говорить при виде справедливости или несправедливости, доброжелательство выражается в сочувствии, сострадании и т. д. Точно так же религиозные и нравственные чувства не могут быть затронуты и развиты посредством умствований и логических доказательств, сила характера — посредством убеждений и доводов, рассудок — посредством

палки и других наказаний и т. д.; по той же причине строгость и суровость нисколько не помогают воспитанию совести, любви и других чувств. А так как все отдельные органы душевной деятельности, вместе взятые, составляют один организм духа, то каждый не может действовать в абсолютной отдельности от других органов, но непременно в связи с ними, составляя в известный момент только средоточие и получая преобладающее значение. Деятельность мыслительной способности, отдельно взятая, называется рассудком, который вырабатывает разные понятия, например растения, животного и т. п., общее свойство всей мыслительной деятельности есть сознание, действующее в особенности при сравнении и умозаключении; обращённое на самого себя, сознание становится самосознанием; общая деятельность мышления в соединении с деятельностью чувств называется разумом, который производит идею — результат согласной деятельности разума и чувства, так, идея любви есть продукт мышления и доброжелательства, идея красоты — продукт мышления и идеальности, идея истины — продукт мышления и совести, идея божества — продукт мышления и религиозного чувства и т. д. Когда идеи господствуют над побуждениями, тогда человек бывает нравственно свободным, тогда он действует в гармонии с самим собой, с миром и Богом.

Чтобы достигнуть этой гармонии, духовные способности должны ограничивать друг друга; ум, чувство и воля должны при их развитии взаимно подчинять себя и проникать друг в друга по общим законам своей возбуждаемости и своего родства: во-первых, только деятельность возбуждает духовные способности, во-вторых, повторяющаяся деятельность составляет упражнение, и чем чаще последнее, чем легче становятся душевные отправления. Основной закон упражнения состоит в том, что каждая способность тем более пробуждает Силы, чем чаще она упражняется, причём надо соблюдать постепенность в напряжении способности, не доводить возбуждение далее известного предела и наблюдать периодичность, так, чтобы покой и деятельность постоянно сменялись. К жизни нашего духа удобно применяется общий космический закон: 1) родственные способности укрепляют друг друга, а противоположные — ослабляют; 2) родственные способности тем более выигрывают в силе, чем ближе направлены они к одной общей цели. Родственными могут быть названы следующие способности: побуждение к жизни и к пище; любовь к детям и доброжелательство; побуждения к нападению и к разрушению; побуждение к нападению и мужество; чувство надежды и побуждение к приобретению; побуждение к скрытности и предусмотрительность; вера, надежда и религиозное чувство; вера и доброжелательство; вера и деятельность; самолюбие и желание похвалы; чувства предмета, образа и величины; чувства предмета, тяжести и цвета; чувства тона и времени; остроумие и способность сравнения; способности сравнения и умозаключения; способности сравнения и факта.

Противоположны: половое побуждение, моральное чувство и высшие Мыслительные способности; привязанность и предусмотрительность; понуждение к нападению и предусмотрительность; любовь похвалы и доброжелательство; побуждение к разрушению и доброжелательство; религиозное чувство, предусмотрительность и совесть; побуждение к скрытности и надежда или любовь к похвале; побуждение к приобретению и доброжелательство или религиозное чувство и т. д. На этих законах родственности и возбуждаемости способностей

основывается возможность воспитания, т. е. усовершенствования человека до степени нравственной свободы.

Психологическая теория Карла Шмидта носит на себе следы влияния аристотелевско-гегелевской психологии, исполнена метафизического элемента и богата гипотезами, а потому менее плодотворна для педагогики, чем бенековская. Кроме того, Шмидт придаёт слишком много значения системе Галля, который видел только одну внешнюю связь между физиологическими и психологическими отправлениями человеческого организма, признавая френологию, кранио-скопию и хиромантию. Душа дробится на множество отдельных способностей, и для каждой искусственно определяется не только внутренний, но и внешний орган в составе человеческого организма. Учению о темпераментах у Карла Шмидта тоже придано слишком большое значение во всех его сочинениях. Приведём отрывок из его «Писем к матери», которые начинаются так:

«Создавайте матерей, которые умели бы воспитывать детей своих, — этими словами, обращёнными к г-же Кампан, Наполеон обрисовал великое назначение женщины и определил задачу, которую ей должно решать в общем механизме мировой и человеческой жизни. Таким образом, и женщина имеет своё общественное и политическое призвание. Это призвание состоит в воспитании её детей, а с ними и всего человечества. Пока матери не сосредоточат всех своих сил на изучении собственных детей и на воспитании, которое основывается на этом изучении, — до тех пор всё счастье, к которому стремится человечество, и всякий мир, столько вождельный людям, останутся мечтой. Потому-то я с радостным чувством берусь за перо, чтобы через вас быть участником в осуществлении этой мечты; хочу попытаться удовлетворить вашим ожиданиям и дать ответ на те в высшей степени важные вопросы, с которыми вы должны будете встретиться при воспитании ваших детей. «Что такое воспитание?» — вот первый вопрос, который вы задаёте, и я в ответ на него очерчу в немногих словах природу и назначение человека, а с этим вместе обозначится и цель, к которой должно стремиться воспитание... Существование и жизнь, а следовательно, и конечная цель всей природы и всякого творения есть Бог; часы, по которым исчисляется жизнь каждого существа, находятся на небе; таким образом, и человек существует только в Боге, через Бога и Богом. Душа человека именно, потому и бессмертна, что она божественна. Человек — существо происхождения божественного; он — образ Бога, который есть сама истина, сама любовь и сама свобода».

Уже из этого вступления видно, что Карл Шмидт, полагая в основание изучения человека естественные науки, старается примирить идеалистический и материалистический взгляды и избежать всякой односторонности. Говоря о конечном назначении человека, он держится теологической точки зрения точно так же, как в вопросах о физическом и даже о психологическом воспитании он является натуралистом. Так, в письме седьмом он говорит: «Железный прут крепче и сломить его труднее, чем деревянную палку, хотя бы она была в десять раз его толще; и человек огромного роста, но вялый, слабее, чем малорослый, но обладающий крепкими мускулами. То же можно приложить не только к телу, но и к душе человека. Поэтому и взаимная разность между людьми состоит не в том, только, что они обладают относительно большими или меньшими ор-

ганами души и тела. Неодинаковая впечатлительность, неодинаковая крепость и жизненность, проявляющаяся в теле в виде определённого телосложения и в душе в виде определённого темперамента, составляют не менее важную черту различия людей по душе и телу, как и неодинаковая величина различных душевных и телесных способностей, так что два человека, одарённые одинаково сильными способностями души, могут быть совершенно различны по их проявлениям, если один будет сангвиник, а другой — меланхолик; точно так же флегматик, обладающий большими душевными способностями, может быть гораздо менее деятелен, чем холерик, одарённый от природы меньшими по величине душевными способностями».

«Телосложение и темперамент — это природные данные, определяющие основной строй индивидуальной жизни. Как всякая страна имеет свой климат, так и всякий человек имеет свой темперамент: темперамент страны есть её климат, климат человека есть его темперамент. Разных телосложений, или основных телесных типов, и разных темпераментов, или типов мозга и души, так же много, как и людей. Но вообще все они сводятся к четырём группам. Цветущее телосложение обуславливается преобладанием артериальной крови и выражается в стройности тела, в узкой длинной груди, в нежной коже, в светлых волосах, в голубых или тёмных живых глазах и в Быстрой подвижности. Сангвинический, т. е. кровеобильный, весело себя чувствующий, легко возбуждающий темперамент, соответствующий указанному телосложению, в высшей степени восприимчив к меняющимся впечатлениям внешнего мира, но не остаётся притом надолго прикованным ни к одному из них. Сангвиник весь принадлежит настоящей минуте; без заботы о будущем он живёт каждый миг полной и весёлой жизнью; быстро меняются перед ним и сильная радость, и тяжкая печаль, не проникая глубоко внутрь его. Сангвиник — это человек светский, француз по характеру. Лимфатическое телосложение характеризуется тучностью и дряблостью тела, милостью мышц, медленностью кровообращения и движений, и обуславливается преобладающей деятельностью органов пищеварения. Соответствующий ему флегматический, т. е. хладнокровный, ленивый, с трудом возбуждающийся темперамент, медленно воспринимает впечатления внешнего мира и тихо, покойно истрачивает свою жизнь. Он производит натуру голландца. Шекспир сказал: «где жирное брюхо, там тощий мозг»; чем тучнее бока, тем в большем банкротстве душа. Нервное телосложение, при преобладающей деятельности нервной системы, обнаруживается сильно развитым головным и спинным мозгом, впавшей грудью и таким же животом, неразвитыми мускулами и высоким, тонким телом. В области духовной жизни это телосложение называется меланхолическим темпераментом, т. е. тяжело-кровным, грустно настроенным и живущим внутри самого себя темпераментом, который с напряжённым вниманием преследует впечатления, раз задевшие его за живое, глубоко трогается ими и удерживает их со всей энергией. Меланхолик больше мыслит, чем желает. Наконец, желчное телосложение и холерический, т. е. теплокровный, пламенный темперамент, отличающийся неутомимой деятельностью, представляет крепкую систему мускулов, широкую грудь, широкие плечи, полный пульс, эластическую мозговую ткань, быстрое понимание и сильную возбудительность и жизненность. Холерик преследует свою цель с необыкновенной энергией. Моисей и Лютер были именно холерики. Холерик

больше желает, чем мыслит. Смотри по сродству, темпераменты или сходятся, или расходятся между собой. Сангвиники скоро сближаются, но скоро и расходятся. Нервные сближаются нелегко, зато надолго. Холерики и флегматики никогда не мирятся между собой. Сам по себе каждый темперамент хорош и может служить к выполнению самых важных задач жизни, только — один ведёт к цели скорее и вернее, чем другой. С известными темпераментами, по-видимому, соединены и особые душевные способности...»

«Различная величина частных способностей души в связи с различными темпераментами и телосложениями производит пёстрое разнообразие в человеческом мире; она производит то, что один употребляет в пищу людей, другой — змей, третий — устриц; что один живёт на дереве, другой — в пещере, третий — во дворце; что один зол и груб, другой добродетелен и образован (!); один горд и высокомерен, другой кроток и скромнен; один скрытен и серьёзен, другой лёгкомыслен и болтлив; один раб предрассудков, другой остроумен в суждениях и решителен в действиях. И все эти миллионные различия между людьми суть произведение первоначальной, полярной противоположности, служащей основой человечества, т. е. мужчины и женщины. Природе мужчины свойственна самостоятельность, природе женщины — зависимость. Даже электричество на поверхности тела мужчины большей частью бывает положительное, а у женщины по большей части отрицательное. Посмотрите на всю внешнюю наружность мужчины — и вы найдёте достаточное подтверждение тому, что он назначен для самостоятельности и могущества, а женщина для самопожертвований и угождений (!). Мужчина — это верховное, а женщина — второстепенное тело; в ней восприимчивость преобладает над самодеятельностью» и т. д.

В семнадцати «Письмах к матери» Карл Шмидт обнимает всю систему воспитания и обучения, которая на тех же антропологических началах, но гораздо полнее изложена им в «Книге о воспитании», содержащей «законы воспитания и учения, основанные на естественных законах человеческого тела и духа». Собственно антропологическая часть разработана им отдельно в его «Антропологии, или Науке о человеке в его историческом развитии и на современной ступени культуры»; но в ней, как и во всех сочинениях Карла Шмидта, вместе со строго научными истинами много бездоказательного, условного и произвольного.

Основная идея антропологии Карла Шмидта состоит в том, что сила и материя, дух и тело не составляют нечто единое и целое, но всюду проявляются лишь в индивидуальных формах, что жизнь есть постоянное образование (Werden), непрерывное движение, что вся природа и каждое отдельное существо есть не что иное, как вечное возникновение и разрушение. На этой основной идее построена вся его антропологическая система, и автор её всюду является мыслителем-идеалистом, одушевлённым идеями добра и красоты. В дальнейшем развитии этой системы Карл Шмидт не самостоятелен: он только эклектик, старающийся примирить результаты философских и натуралистических исследований в применении к человеку, а потому антропологической системе его часто недостаёт единства и встречается немало противоречий. Местами он является психологом-бенекианцем, местами — гегельянцем, иногда обнаруживает поэтический взгляд на дело, иногда старается быть строгим

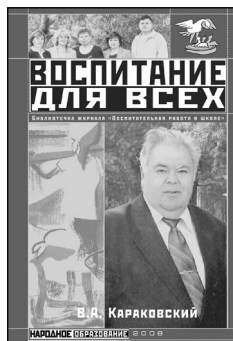

натуралистом; иногда держится эмпирической методы, но чаще увлекается гипотезами и является крайним теоретиком. В «Антропологии» своей Карл Шмидт является со всеми своими достоинствами и недостатками и при обширной, многосторонней учёности отличается прекрасным, нередко увлекательным изложением. Вот как, например, характеризует он русское племя в отделе о человеческих расах: «Могущественнейшее из других славянских племён составляют русские: они вообще хорошо сложены и по росту более высоки, чем малы; отличаются большой терпеливостью. Глаза русского, обнаруживающие необыкновенную остроту, малы; лоб свободный и открытый, но редко высокий; рот средней величины; губы тонки; нос обыкновенно мал, изнутри выгнут или приплюснут; волосы чаще тёмно-русые; борода широкая и густая; вся наружность выражает искренность и добродушие, но в русском немало также и хитрости. В движениях своих он обнаруживает почти страстную возбуждённость и очень любит пение. Он крепко держится своих нравов и обычаев и своей религии, имеет склонность к торговле и промыслам и вообще барышничанью. Б. Бауэр не без справедливости говорит о русских следующее: «Россия составляет нацию, которая теснейшим образом сплочён» языком, нравами и обычаями, религией и политическим воодушевлением». Русский на всю свою систему колонизации наложил печать неразрывного единства. После своего появления в истории он распространил своё господство по всей безмерной равнине между Северным и Чёрным морями, между Уралом и венгерской границей; но всегда и всюду он оставался одним и тем же и в постоянном связи со своим центром, из которого выходила колонизация. Он — номад и рождён для оседлости; он распространяется всюду и в то же время держится своих, остаётся братом своих соотчичей ми общей родине; он всюду является пришельцем и в то же время становится туземцем; он — любитель всяких приключений и обширных предприятий; его сердце не привязано, как у германца, только к своей тесной родине, к своей деревне или родному городу, но приковано ко всему целому, к своему отечеству, своему народу, к своей национальной расе, и куда бы он ни пришёл, куда бы ни привёл» его номадическая страсть к приключениям, хотя бы через всю Азию даже до Камчатки, — он всё-таки тянет к своей России, всюду остаётся русским, основывает русские провинции и превращает туземцев в новых своих соотечественников — русских. Это единство территории, нравственной жизни, народного чувства и сознания покоится на крепких узах семейства. Русская семья есть одновременно первообраз и отражение национально-русского государства. Глава семейства, отец или, после его смерти, старший брат, есть единственный распорядитель собственности, принадлежащей семейству, и под его господством признаётся безусловное равенство в правах остальных членов. Семья в своём дальнейшем развитии образует общину, которая является господином принадлежащей ей земли, и каждого отдельного члена общины на одинаковых правах делает лишь временным её собственником; а потому, для избежания неравенства, периодически производит передел поземельных участков. Наконец, как целое, как ядро русской национальности, в котором сходятся все общины и образуют одну семью, является русское царство с отцом-царём во главе, которому, следовательно, также принадлежит неограниченная власть над всем и перед которым всё, как члены одной фамилии, равны. В минуту веселья русский

не смущается никакими работами и мелочами жизни, не допускает к себе никакой тоски и всецело отдаётся наслаждению. Во всех его занятиях и предприятиях им руководит пронизательный взгляд, сметливость; выполнению он старается придать изящество, но самый труд не интересует его: он старается только как можно скорее достигнуть желаемого результата и при этом не страшится даже никакой опасности, никаких усилий. Религия русских также не признаёт никакой противоположности между духовным и светским миром. Вся его жизнь непосредственно проникнута и определена религией: всё имеет религиозное значение и самому понятию о божестве придан национальный характер. Отечество русского есть вся святая Русь, и во всех воюющих с ней народах он видит и покоряет мятежников, восставших против его Бога и царя. Всё теоретическое не интересует русского; он со всеми хочет управиться сам, лишь одним здравым смыслом».

Наши книги

Каракровский В.А. ВОСПИТАНИЕ ДЛЯ ВСЕХ

М: НИИ Школьных технологий. 2008. 240 с. Пер. Формат 84x108/32
ISBN 978-5-91447-005-7

В.А. Каракровский, директор центра образования № 825 г. Москвы, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, лауреат премии Президента РФ, Народный учитель СССР.

Статьи В.А. Караковского опубликованные на страницах отечественных печатных изданий — это думы чаяния и

тревоги директора школы, ученого и человека о школе. Темы статей — камертон всей педагогической деятельности директора 825 школы — Школы Воспитания. Он создавал школу-коммуна, в которой ученик раскрывал свои способности в активном сотворчестве с учителями.

Тридцатилетний опыт Коммунарских сборов Караковского, игровая атмосфера его «воспитания большими дозами» остались в истории нашей школы, как продуктивный творческий поиск, шедший и на страницах «Народного образования» и «Воспитательной работы в школе»

Индекс по каталогу «Высылаем по почте» — 0452.

По вопросам оптовых закупок и подписки обращаться по адресу:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17. «НИИ школьных технологий».
Многоканальный тел./факс: (499) 270-20-65. E-mail: market@narodnoe.org